

*Моим маленьким женщинам.
Спасибо, что позволяете мне мечтать.*

1

Магдалена

Уже пятнадцать чертовых минут я наблюдаю, как с каждым смешком вино в чужом бокале колеблется, грозя перелиться через край, но после тщетной попытки выплеснуться вновь оказывается в стекле.

Я прикрываю глаза, словно в полудреме, но тут замечаю, что бокал покрывается конденсатом от контраста холодного вина и внешней температуры: я смотрю, как стекло теряет прозрачность из-за капель, и прислушиваюсь к голосам вокруг. В нашу маленькую квартирку набилась куча людей, которых я не знаю. Смех флиртующих студентов становится все громче, где-то раздается легкий хлопок бутылочной пробки, кто-то со звоном роняет ключи. Из транса меня выводит покашливание; хрустнув коленями, я вытягиваю затекшие ноги. Снова смотрю на девушку с бокалом и вспоминаю, что мои руки не заняты выпивкой, в отличие от ее. В левой руке у меня письмо. Оно кажется мне слишком тяжелым для простого листа бумаги — конверт не обыкновенный белый, а плотный, цвета яичной скорлупы, и веса письму как будто добавляет напускная важность содержания. И все же оно важное... Я же не ошибаюсь? Боже, я сижу с кислой миной на собственной вечеринке.

Я с силой давлю пальцем на плотный острый уголок конверта, пока боль в подушечке не заставляет меня посмотреть на свою руку. Кожа покраснела и набухла, и я жалею о том, что не могу проткнуть себя уголком до крови. Если вжать его в подушечку пальца еще сильнее, уголок просто согнется, станет вялым и податливым. А мне хочется, чтобы письмо причинило мне настоящую физическую боль; тогда у меня будет повод не вскрывать конверт и не читать послание. А потом проорать матери: «Ты покалечила меня своим письмом! Так что не жди ответа!» И тут я понимаю, что девушка с бокалом задала очередной вопрос. Я не слышала, какой именно, но догадываюсь, что она в третий раз выпрашивает у меня название городка, где я родилась.

— Кивассо, — отвечаю я.

— Прости? — еле выговаривает она. — Повтори, пожалуйста.

Лицо у нее такого же цвета, как бургундское; она давно за чертой благородного легкого опьянения. Хотя, стоит отдать ей должное, еще не надралась в стельку. Пока что она на той стадии, когда стакан холодной воды и крепкий кофе спасут ее от головной боли поутру. Она вытирает нос тыльной стороной ладони и выжидающе тарачится на меня. Я могу сказать наверняка, что сейчас в ее голове мой образ, скорее, похож на цветную круговерт калейдоскопа, и, судя по тому, как она переводит несфокусированный взгляд то на мои брови, то на мой рот, перед глазами у нее стоят как минимум три моих лица. «Погоди, скоро тебе еще и граппу нальют», — хочу сказать я, но помалкиваю. Вместо того чтобы налить ей граппу, я продолжаю сидеть молча, ожидая, пока наконец ее взгляд сфокусируется, и три моих лица сольются в ее сознании в одно.

Из колонки на кухне гремит соната Листа, а после почему-то Билли Джоел. Его голос разносится по квар-

тирке, окутывает смешавшихся в одну толпу выпускников Оксфорда, мелодичным голосом призывая нас «никуда не торопиться, ведь нам и так хорошо». Меня призывать — напрасно время тратить. Я и так никуда не тороплюсь этой ночью, хотя я не уверена, что мне хорошо. Да и было ли когда-нибудь на самом деле?

Наверняка это выходка Эмили. Я люблю свою соседку по комнате, такую же, как и я, студентку. Ведь только такие претенциозные персонажи могут поставить Листа и Билли Джоела друг за другом на одной вечеринке.

Я снова поворачиваюсь к девушке с бокалом, и теперь мне на ум приходит слово «ступор». У нее застывшая улыбка, счастливая и грустная одновременно. Ну да, она в своем уютном мирке, в своем пьяном ступоре. Она облизывает губы, потрескавшиеся от обильных возлияний. Взгляд ее слегка остекленел — похоже, она даже не может вспомнить свое имя, куда уж ей до названия городка, в котором я родилась. Медленно моргая, она все же терпеливо ждет моего ответа. Есть у студентов Оксфорда такая традиция — нажираться в хлам в конце семестра. Это небольшое послабление после просиженных в библиотеке ночей и бесконечного переписывания тезисов докладов и экзаменационных работ.

— Ки-вас-со, — я отчетливо выговариваю каждый слог.

Глубже забравшись в кожаное кресло, я подтягиваю колени к подбородку, и письмо оказывается зажатым между моим животом и бедром — вот теперь никто из любопытных тусовщиков не сцапает его своими липкими ручонками. Хотя, если подумать, может, стоило бы швырнуть его в толпу? Пусть кто-нибудь из них провел бы лето в Италии вместо меня. По сходной

цене — за отпуск всего лишь придется посетить свадьбу моей сестры. Я делаю небольшой глоток пива и вытираю рот тыльной стороной ладони, как одинокий ковбой в пабе в каком-нибудь старом вестерне. Ну да ладно. Скоро титры закончатся. Жизнь продолжится. Студия анонсирует сиквел. Это чье-то чужое кино. А когда начнется мое собственное? Когда начнется моя жизнь? Я оглядываю квартиру, в которой прожила последний год, и понимаю, что мне плевать. Я не хочу запоминать обстановку, я вообще не хочу ничего из этого хранить в своей памяти. Мне двадцать лет, и обычно в моем возрасте девушки так себя не ведут.

Мы в Оксфорде, и все здесь пропитано историей. К тому же богачи, которые его строили, не поскупились на декор. Стены словно выросли корнями в темные исторические времена, а камни, из которых они возведены, напитаны академическими знаниями. Под потолком выбиты лики ученых мужей, а ученые женщины похоронены в подпольных гробницах. Да, женщины отдельно, мужчины отдельно.

Потертое дерево полов библиотеки напоминает о том, сколько блестящих умов ходило туда-сюда от книжных полок к столам читального зала и обратно. И я тоже здесь. Следы моих подошв внесли свою лепту в истертые полы; мои пустые чернильные картриджи так и лежат под скамейками из красного дерева в лекционных залах. В Оксфорде царит такая непревзойденная атмосфера интеллектуальности, что порой это обескураживает.

Но это место не стало мне домом. Хотя оно было таким для моей матери Виттории и для моего отца Клаудио.

Я делаю еще один глоток пива и понимаю, что опустила бутылку.

Солнечные лучи никогда не проникают между построенными вплитык богато украшенными зданиями. Поэтому здесь постоянно чувствуется влажный холод, который окутывает все мое тело, словно я хожу в непросушенном свитере и никогда его не снимаю. И не важно, принимаю ли я горячую ванну или совершаю пробежку вокруг кампуса, — этот промозглый холод всегда со мной. Неотступный, меланхоличный, словно плесень.

Я не успеваю погрузиться в печаль, потому что обивка кожаного кресла напротив издает противный, почти неприличный звук. Девушка с бокалом пытается встать. Я поднимаю на нее глаза.

— О! Кивассо! — будь она трезвой, у нее от радости зажегся бы взгляд, но она лишь с трудом кивает головой. Она присаживается на подлокотник, а я, улыбаясь, смотрю, как тяжелеют ее веки, — и взгляд у нее умиротворенный, лишенный всякого страха. — Кивассо! — повторяет она снова и забавно шлепает себя ладонью по лбу, наконец осознав поданную ей информацию. Нечто в строении слова подсказывает ей, что оно итальянское, и она судорожно пытается отыскать в плывущем разуме все сведения об Италии, которые оттуда вообще можно выудить. В Оксфорде такое сплошь да рядом: даже подмухой студенты из кожи вон лезут, чтобы продемонстрировать свои обширные знания по любому вопросу.

— Люблю Италию! В прошлом семестре я ездила за рубеж, и это изменило мою жизнь. Ну правда, культура, ну такая... другая, более открытая, что ли. Понимаешь? Ну, не как здесь, в Британии, где местные могут быть... — она делает паузу, стараясь подобрать подходящее слово, — *депрессивными*.

Она хихикает, гордая столь смелым высказыванием. Впечатленная тем, что она, сама будучи британкой, не побоялась неординарно охарактеризовать своих соотечественников.

— Может быть, это итальянцы чересчур открыты? — слабым голосом произношу я в надежде, что она подхватит эту фразу и сама поведет беседу, а я помолчу.

Я беру пустую бутылку и начинаю отковыривать намокшую этикетку. Мне некомфортно. Я поглядываю на собеседницу и вижу, как ее губы расслабляются, морщинки у рта разглаживаются, как ей становится плевать на потекшую тушь, ведь она такая молодая, веселая и беззаботная, — и мной снова овладевает тоска. Почему? Да потому что я не могу даже расслабить плечи, не могу так же, как и она, наконец погрузиться в блаженный пьяный ступор. И меня это бесит. Я хочу быть глупой девчонкой! Но в отличие от девушки с бокалом, я, хоть и пьяная, напряжена и чувствую на пальцах каждую каплю влаги с бутылки от которой отковыриваю этикетку. Я чувствую, что пряди с правой стороны лица заправлены за ухо, а с левой свисают прямо на глаз, прикрывая веснушку над левой бровью. Я не расслаблена, нет, я сижу и думаю, а заметил ли кто-нибудь, что у меня над бровью веснушка? Я окидываю взглядом кухню в поисках еще одной бутылки пива. Оксфорд так и не стал мне домом.

Я снова смотрю на ее бокал с вином. Глубоко вдыхаю, закрываю глаза, и запах алкоголя переносит меня в прошлое, где мне снова пятнадцать, и мы с Аникой в музее в Торонто. Мы сидим на мраморной плитке прямо под статуей Изиды, между нами стоит открытая бутылка вина, на горлышке которой остался след помады Аники фирмы Мас. Если я сейчас сосредоточусь на воспоминаниях, то наверняка услышу голос ее отца, доносящийся из кабинета за сувенирным магазином: он с едва заметным разочарованием перелистывает документы и все время напоминает нам, чтобы мы вели себя прилично. Он всегда сидит в своем кабинете и все слышит.

Мы с Аникой любили оставаться после закрытия музея, сидеть в сырой полутьме зала, и нам казалось, что как только табличка на двери переворачивалась на «Закрыто», музей становился нашим. Лики статуй взирали на нас сверху вниз и словно шептали: «О нет, нет, музей не ваш, а наш». Я снова чувствую, как прижимаю бедра к холодному полу, лишь бы впитать в себя хоть немного прохлады в удушающе жаркий летний итальянский вечер.

— Статуи терпеть не могут холод, — любил говорить папа. — Почувствовав его, они вспоминают о смерти.

А мне кажется, итальянцы просто жмотятся на кондиционеры. Я с трудом подавляю стон и лишь надеюсь хоть на секунду ощутить так нелюбимую статуями прохладу. Вино разогревает кожу, смешиваясь с жаром вечера, и по затылку сквозь волосы вниз к шее текут капли пота. Я смотрю в глаза Изиде и думаю о том, что мысли о конечности бытия куда хуже, чем воспоминания о самой смерти.

Аника скидывает туфли и, подняв глаза на Изиду, кладет босую ногу на ее длинные пальцы.

— Она хочет меня трахнуть, — вздыхает Аника и нарочито интимно поглаживает вырезанные из мрамора пальцы Изиды большим пальцем своей ноги. — Не спрашивай, я просто знаю.

Мы смеемся. Аника рассказывает о своем последнем сексуальном походе, я слушаю, и даже ее отец, смущенный, тоже молча слушает ее из своего кабинета.

Я затерялась в подростковых воспоминаниях, но вдруг почувствовала, как письмо выскальзывает у меня из пальцев. Скрючившись, я нагибаюсь и поднимаю конверт с пола. Это не первое ее письмо. Три других пылятся в комод, запрятанные в ворохе зимней одежды.

Свадьба моей сестры.

Конечно, я хочу ее посетить. Но что-то при мысли об этом заставляет меня вздрогнуть. Смутные воспоминания

нения о том, как мы, босые, крадемся с Аникой по притихшему музею, захлестывают меня с новой силой. Я ежусь, когда понимаю почему — на самом деле я подумываю о том, чтобы вернуться.

«О нет! — вопит мое подсознание. — Оксфорд стал твоим прибежищем. Помнишь, от чего ты сбежала? От кого ты сбежала. Подумай о том, как долго ты плакала».

Я вздыхаю. Может, я просто не люблю вечеринки? В больших компаниях я вечно веду себя как королева драмы и даже не знаю, говорю ли окружающим то, что думаю на самом деле, или это просто моя роль.

Разогнувшись, я усаживаюсь в кресло и снова окидываю взглядом комнату. Потертые деревянные полы, отколотый угол керамической столешницы — однажды Эмили решила открыть об него пивную бутылку. Вспомнив о том случае, я непроизвольно ищу Эмили взглядом. Вот она: необузданные завитки волос разметались по плечам, она жарко спорит по ерундовому поводу с мужчиной, в которого влюблена. Он профессор — опасная дорожка. Но он очарователен и, кажется, даже слушает Эмили, когда она говорит. В другой день я бы улыбнулась, глядя на них. Но сейчас я словно смотрю на происходящее со стороны, не испытывая при этом никаких эмоций.

В груди у меня горит. Девушка с бокалом расчесывает нос до красноты. У нее нет имени, она счастлива и свободна. «Я тоже так хочу!» — вопит мой разум. Я хочу потянуться к ней, ухватиться за ее беззаботность, отодрать себе хоть кусочек, проглотить и впасть в такой же, как у нее, пьяный ступор. Но я не могу.

Вместо этого я думаю о стенах домов Кивассо, вечных, покрытых пылью времени. Я сбежала, но в итоге лишь перевезла себя в другую страну вместе со своей печалью. Моя сестра не обязана расплачиваться за то, что

я должна была разрулить много лет назад. Воздух тяжелеет, наливается грустью, мне становится тягостно. Я впиваюсь в конверт ногтями.

«Почему я вечно плетусь в отстающих?» Напуганная всем на свете и смертельно уставшая от этого страха.

Я выдыхаю, и мне кажется, что из меня вышел весь воздух. Жду, когда под кожей на запястье снова появится пульс. Опускаю взгляд на письмо — в ушах лишь белый шум.

Но потом я снова его чувствую; пульс отдается в кончиках пальцев, показывая, что я не мертвец, а просто трусиха.

Я провожу ногтями по восковому штемпелю, подушечки пальцев скользят по конверту, ощущая тиснение с именем моей сестры, и мне стыдно, что я испугалась ехать к ней на свадьбу.

Чувство стыда заставляет меня засунуть свои мелодраматические размышления куда подальше.

Я еду.